АВСТРАЛИЙСКАЯ МОЗАИКА

AUSTRALIAN RUSSIAN LANGUAGE ALMANAC

ХУДОЖЕСТВЕННО ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ

9

Россия – Австралия. Мост через время

Под этой новой рубрикой «АМ» предлагает подборку статей, которые или написаны *Еленой Говор,* или подготовлены ею, или дополнены её комментариями.

Елена ГОВОР

От Киллалпанинны до Сергача

Судьба Александра Ященко

В 1927 г. в школе-десятилетке уездного города Сергача Нижегородской губернии появился новый учитель географии – Александр Леонидович Ященко. Уже немолодой, но сохранивший юношескую подвижность, бодрость духа и увлеченность своим предметом, он пробуждал в своих юных слушателях интерес к естественной истории их земли, к многообразию окружающего мира. В Сергаче он вел жизнь классического энтузиаста-краеведа – половину своего дома отвел под музей, состоящий из собранных им самим коллекций, выступал с лекциями, публиковал научно-популярные и краеведческие статьи в местных изданиях. И только несколько странных предметов в музее, не имеющих никакого отношения к Сергачу, – бумеранг с полустершимся рисунком, длинные копья, украшения из перьев эму, – могли навести посетителя на мысль, что путь в сергачскую глушь этого пожилого учителя был совсем не прост. Шли годы, над Сергачом проносились ветры нового времени, и все дальше уходило в прошлое сделанное Александром Ященко в той, прежней, дореволюционной жизни...

Невдомек было сергачским жителям, что в пустынях далекой Австралии, среди раскаленных камней, поджидает свою жертву скорпион Hemihoplopus yaschenkoi, открытый их земляком, а на другом конце земли – в Ленинграде, над Невой, в залах Зоологического музея в банках со спиртом замерли диковинные животные, пойманные им вместе с австралийскими аборигенами. В Музее антропологии и этнографии рядом с коллекциями Беллинсгаузена, Лазарева и Миклухо-Маклая хранилась богатейшая этнографическая австралийская коллекция, собранная А. Л. Ященко. Священный камень чуринга с таинственными узорами соседствовал здесь с курдайчей – обувью убийцы-мстителя, сделанной из перьев, слепленных кровью. Магические палочки для порчи и палочки-письмена, гуделки и детские игрушки, бумеранги и щиты, каменные ножи и топоры – все они безмолвно рассказывали о своих прежних хозяевах, ушедших в небытие.

В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона любопытный посетитель мог найти и краткую историю жизни собирателя этих коллекций. А. Л. Ященко родился в 1868 г. в Бугуруслане в семье известного адвоката, бывшего народовольца Леонида Несторовича Ященко. Юноша учился на естественном отделении физико-математического факультета Петербургского университета. Еще будучи студентом, он принял участие в экспедициях в Лапландию, Закаспийский край и Бухару и опубликовал собранные там материалы. После окончания университета – годичная командировка в Западную Европу, а затем преподавание географии и естествознания в различных учебных заведениях. В предреволюционные годы он служил чиновником особых поручений в министерстве народного просвещения. А. Л. Ященко прекрасно сочетал в себе глубокие познания в целом комплексе наук – зоологии, географии, антропологии и этнографии.

Имя его в те годы было хорошо известно юным любителям природы – он часто выступал на страницах научно-популярных изданий, а его книга «Хруп», написанная в 1903 г. от лица старой крысы-путешественницы и прекрасно иллюстрированная, имелась во всех школьных библиотеках и выдавалась в награду за учебу. Судьба другой его книги – учебника географии для младших классов «Начальное землеведение» – сложилась не столь удачно. Она вышла в 1916 г. и скоро ее сменили учебники новой эпохи.

Что же привело этого блестящего ученого и педагога, место которого было в Академии наук или в столичном университете, в послереволюционные годы в глухой уголок Нижегородской губернии? Как и где он умер?

В 1956 г., молодой этнограф Владимир Кабо вернул науке забытое имя Ященко, разыскал его дочь, которая долгие годы хранила дневники отца, описал его коллекции. В 1959 г. дневник его путешествия в Австралию был издан под редакцией и с предисловием А. И. Соловьева. Когда я впервые занялась изучением австралийского наследия Ященко, еще в перестроечной Москве, до нас дошли глухие слухи о его аресте НКВД, но подробностей узнать не удалось. Я опубликовала отрывки из его дневника в книге «Российские моряки и путешественники в Австралии» и использовала его дневник, уже живя в Австралии при написании диссертации и книги «Австралия в русском зеркале», так и не зная, как и где закончил свои дни этот замечательный путешественник. Австралийцев давно интересовали материалы Ященко. В 1980-х гг. канадский историк Глинн Барратт перевел и прокомментировал главы из дневника Ященко для Института по изучению аборигенов, а в 2001 г. австралиец Петер Тилли издал с комментариями перевод всего дневника Ященко.

И вот недавно, благодаря Интернету, с нами установили связь родные Ященко, Владимир Лебедев и Мария Александровна Ященко, от которых мы узнали о трагической истории этой семьи в советское время. Сталинские застенки, лагеря, война, ленинградская блокада – семья Ященко в полной мере разделила со страной ее страшную историю... В 2004 г. сергачский историк-краевед Виктор Николаевич Баландин опубликовал в газете «Сергачская жизнь» целую сагу «Вокруг Ященко» на основе семейных и архивных материалов. К сожалению, объем нашей журнальной публикации не позволяет воспроизвести это исследование полностью. Остается надеяться, что работа Баландина будет востребована в России и напечатана в виде книги, доступной широкому читателю.

Но прежде, чем мы отправимся вслед за Ященко в Сергач, познакомимся поближе с его австралийским путешествием.

В Австралии Ященко побывал в 1903 г. Безуспешно пытался он получить финансовую помощь от научных учреждений, в частности от Русского географического общества, действительным членом которого являлся. В конце концов, ученый поехал в Австралию на собственные средства, имея лишь командировочное направление Академии наук для сбора зоологических коллекций. Это удостоверение (слева), объехавшее вокруг земного шара, сохранилось в архиве М.А. Ященко. В Австралии путешественник провел более трех месяцев, посетив Перт, Аделаиду, Мельбурн, Сидней, Брисбен и Кэрнс. Будучи в Аделаиде, он много ездил по окрестностям и совершил дальнюю экспедицию на миссионерскую станцию близ озера Киллалпанинна, в центральной Австралии. Главы из дневника Ященко с описанием этой поездки мы воспроизводим.

Minister of Foreign Affairs

Second Department

April 28th 1903

No 1766

St Petersburg

The bearer,
Alexander L Yaschenko, Professor at the Imperial Alexander Institute of St Petersburg, has been commissioned by the Imperial Academy of Sciences to make scientific researches in the Islands of the Pacific Ocean and in Australia. All Imperial Representatives, Consuls, and others, are hereby invited to help the bearer, the above mentioned Alexander L Yaschenko to the best of their power towards the attainment of the objects of his commission.

Cholensky, Prince
Vice - Minister

Ященко проехал также на пароходе по Муррею до городка Милдьюра, где посетил поселение аборигенов. Чрезвычайно интересной была и его поездка в австралийские тропики – в окрестности Кэрнса. Здесь ему впервые удалось наблюдать ритуальный танец аборигенов – корробори.

В публикации использованы фотографии из архива правнучки А.Л. Ященко Марии Александровны Ященко. Благодарю также Наталью Сергиевскую за помощь в получении материалов.•

Владимир КАБО

К берегам озера Вечной молодости

Летом 1955 года, перейдя на пятый курс исторического факультета Московского университета, я приехал в Ленинград, в Музей антропологии и этнографии, чтобы здесь найти для себя тему дипломной работы. Сделал я это по совету профессора кафедры этнографии Сергея Александровича Токарева, моего научного руководителя. В отделе Австралии я рассказал его сотрудникам, Н.А. Бутинову и Ю.М.Лихтенберг, что специализируюсь в области этнографии аборигенов Австралии и хотел бы сделать научное описание какой-нибудь австралийской коллекции. Мне предложили выбрать любую. Я остановил свой выбор на большой коллекции, которая выгодно отличалась от других австралийских коллекций своей полнотой и разносторонностью. Было очевидно, что ее собиратель подошел к своей задаче не как дилетант, но с пониманием дела и научной инициативой. О самом собирателе коллекции было известно только, что звали его Александр Леонидович Ященко и что коллекция была привезена им из Австралии в 1903 г. Ученый, педагог, автор этнографических трудов, учебника землеведения и популярной книги для детей, действительный член Русского географического общества, человек необычайно широких научных интересов, биографические сведения о котором имелись в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона и Биографическом словаре профессоров и преподавателей Петербургского университета, он был почти забыт. Только старейшая сотрудница Музея антропологии и этнографии Евгения Эдуардовна Бломквист, когда-то окончившая Петербургский женский педагогический институт, хорошо помнила А.Л.Ященко – он читал там курс этнографии и остался в ее памяти одним из самых ярких воспоминаний.

От кого-то я узнал, что в Горках под Москвой живет дочь А.Л.Ященко, Вера Александровна Никифорова, и разыскал ее. Одинокая немолодая женщина, она рассказала мне о своем отце. Потом достала из дальнего ящика комода большую рукопись в твердом черном переплете, пожелтевшие листы которой были покрыты записями, сделанными выцветающими чернилами. Это был дневник путешествия Ященко в Австралию. Я тут же присел к столу и, с разрешения Веры Александровны, сделал из этого дневника обширные выписки. Они вошли потом в мою статью "А.Л.Ященко и его путешествие в Австралию", напечатанную в 1957 г. в журнале "Советская этнография". Это была первая публикация отрывков из его дневника и первая оценка его вклада в изучение австралийских аборигенов.

И только о судьбе своего отца в советское время Вера Александровна не рассказала мне почти ничего. Я узнал лишь, что до войны он жил в Сергаче, работал школьным учителем и, рассказывая на уроках географии об Австралии, показывал сохранившиеся у него копья и бумеранги. На мои вопросы о том, где, когда, при каких обстоятельствах он умер, она отвечала так уклончиво, так немногословно, что я понял: об этом она рассказывать не хочет. И я, еще недавно заключенный сталинских лагерей, начал догадываться – почему. Надо вспомнить, какое это было время. Шел 1956 год. Минуло только три года со смерти Сталина. Дочь, на памяти которой прошли последние, быть может, трагические годы жизни ее отца, не решалась даже рассказывать о них, а что уж говорить о публикации его дневника! Он и сохранился чудом – вероятно, только благодаря ей. Ведь если бы он был обнаружен при обыске, мы бы уже никогда не увидели его.

Я сказал Вере Александровне о том, какую, по-моему, научную ценность представляет этот дневник, как важно было бы опубликовать его, с каким интересом читался бы он сегодня. Написал об этом и в своей статье. Три года спустя дневник А.Л.Ященко, пролежав в рукописи полстолетия, увидел свет. В предисловии к книге географ А.И.Соловьев, рассказав о

жизненном пути Ященко, и здесь ни словом не обмолвился о том, когда и где он умер. Дневник был издан Географгизом, где его подвергли значительной редакционной правке, как это широко практиковалось в те годы. В наше время отношение к рукописям изменилось, как это видно на примере нового издания собрания сочинений Миклухо-Маклая, где его тексты были освобождены от всех позднейших "улучшений". Кроме того, дневник Ященко нуждается в серьезном этнографическом и историческом комментарии, чего не было сделано в издании Географгиза. Было бы желательно осуществить новое научное издание этого дневника.

Немногие наши соотечественники посещали Австралию с научными целями. И совсем мало было среди них тех, кто ставил своей задачей знакомство с жизнью и культурой ее коренного населения, собирание этнографических коллекций. А.Л.Ященко был одним из них. Ему предшествовал Н.Н.Миклухо-Маклай, изучавший аборигенов Австралии в последней четверти XIX в. После Ященко путешествие в Австралию и Океанию совершил в 1908-1909 гг. петербургский профессор В.В. Святловский. Во время путешествия он приобрел большую коллекцию для Музея антропологии и этнографии. После революции ни один советский ученый не посетил Австралию с целью изучения ее коренного населения.

Стенд Сергачского музея

Коллекция А.Л.Ященко принадлежит к числу лучших коллекций австралийского фонда Музея антропологии и этнографии. Она отразила многие стороны жизни и быта аборигенов и дает в руки исследователя все самое характерное для традиционной культуры этого народа: каменные орудия, оружие (бумеранги, копья, копьеметалки, щиты), принадлежности для добывания огня, утварь из дерева и коры, предметы культа и магии (чуринги, ритуальная обувь, орудия колдовства) и многое другое. Здесь представлены вещи из Центральной, Южной и Западной Австралии, из Квинсленда. Особенно интересны предметы, бытовавшие у племен тропических лесов, окружающих Кэрнс, – подобные изделия нигде больше на континенте не встречаются. Мое описание коллекции А.Л.Ященко было опубликовано в 1960 г. в «Сборнике Музея антропологии и этнографии». Это была первая полная научная ее публикация. Я горжусь тем, что вернул жизнь не только вещам, но и человеку, который привез их в Россию из далекой Австралии, чтобы сделать их достоянием науки.

Впечатления, вынесенные из путешествия, впоследствии обогатили научные работы А.Л.Ященко, его статьи для юношества, курсы лекций и уроки, его учебник землеведения, в который он включил сведения по этнографии народов, населяющих Землю. Как ученый Ященко сформировался в то время, когда этнография как наука еще не отделилась окончательно от естествознания и географии. Неудивительно поэтому, что и сам он был одновременно натуралистом, географом и этнографом. Этим он напоминал Н.Н.Миклухо-Маклая, который как ученый олицетворял тесную связь естествознания, физической антропологии и этнографии. Это объясняется не только широтой их научных интересов, но и состоянием науки того времени. Этот универсализм науки о человеке позднее был в значительной степени утрачен.

Открытый характер русского путешественника, его интерес и глубокое уважение к традиционной культуре аборигенов расположили к нему коренных австралийцев. Общаясь с ними, беседуя с миссионерами и известными австралийскими учеными, А.Л.Ященко живо интересовался интеллектуальным развитием аборигенов, их духовной культурой. В школе при одной из миссий на него произвели большое впечатление способности аборигенов-учащихся, как взрослых, так и в особенности детей. Его поразили необычайная приспособленность аборигенов к жизни в труднейших природных условиях, умение добывать огонь трением за несколько минут, находить питьевую воду, сохраненную корнями деревьев. Он заинтересовался приемами счета, способами определения времени, лунным календарем и астрономическими познаниями аборигенов, их удивительным знанием природы, иными словами тем, что можно назвать истоками науки. Вот какое впечатление вынес Ященко из

+встреч с коренными обитателями страны: австралийский абориген, по его словам, "бесспорно умен, сообразителен, иногда горд и царски величав".

А.Л.Ященко приехал в Австралию в то время, когда древняя культура аборигенов местами еще сохранялась в неприкосновенности и была доступна изучению. Это было время, когда выходили из печати классические труды Б. Спенсера и Ф. Гиллена, К. Штрелова и А. Хауитта. Книги этих и многих других исследователей вошли в мировую сокровищницу науки о человеке, его истории и культуре. Благодаря им культура аборигенов Австралии, их общественный строй, их религия стали для мировой науки поистине неисчерпаемым источником фактов, освещающих древнейшее прошлое человечества.

На своем пути А.Л. Ященко посетил миссионерскую станцию Киллалпанинна в Центральной Австралии. Киллалпанинна – название маленького озера, лежащего на выжженной солнцем равнине, покрытой скудной растительностью. Озеро было связано с древним культом Великой Матери. Местные аборигены из племени диери верили, что человек, который почувствует себя дряхлым или больным, должен омыться в водах озера, и к нему вернутся юность и здоровье. Вот почему к озеру Киллалпанинна с незапамятных времен шли люди из ближних и дальних племен.

У многих из нас есть своя Киллалпанинна. Часто это память о близком человеке. Или воспоминания детства. Таким символическим источником душевного здоровья может стать и память о нашем общем детстве – о детстве человечества.•

Литература к статьям Е.Говор и В.Кабо

А.Л.Ященко. Путешествие по Австралии. Предисл. А.И.Соловьева. М., Географгиз, 1959.

A.L.Yashchenko. *Australian Journey 1903. The Travel Diary of Aleksandr Leonidovich Yashchenko.* Translated from Russian, with an introduction and notes, by Peter Tilley. Melbourne, 2001 (Russians in Australia, no.28).

В.Р.Кабо. А.Л.Ященко и его путешествие в Австралию. – Советская этнография, 1957, № 6, с.59-61.

В.Р.Кабо. Описание австралийской коллекции А.Л.Ященко в Музее антропологии и этнографии. – Сборник Музея антропологии и этнографии, М.-Л., 1960, т.XIX, с.111-167.

В.Р.Кабо. Каменные орудия австралийцев. – В кн.: Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Гавайских островов (Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. 80). М –Л., 1962, с. 3–106.

В.Р.Кабо. К берегам озера Вечной Молодости. – Сборник Музея антропологии и этнографии, Л., 1974, т.XXX, с.181-186.

В.Р.Кабо. Дорога в Австралию. Воспоминания. Нью-Йорк, Эффект, 1995, с.224-226.

V.Kabo. *The Road to Australia. Memoirs*. Canberra, Aboriginal Studies Press, 1998, pp.190-191, 308-309.

В.Р.Кабо. Письма издалека. – Проблемы этнографии и истории культуры народов Азиатско-тихоокеанского региона, Санкт-Петербург, 2004, с.181-195.

Е.В.Говор. От Киллалпанинны до Сергача (судьба Александра Ященко). – В кн.: Российские моряки и путешественники в Австралии. Сост. Е.В.Говор и А.Я.Массов. М., Наука, 1993, с.245-246.

E. Govor. *Australia in the Russian Mirror: Changing Perceptions, 1770-1919*, Melbourne, Melbourne University Press, 1997, pp.124, 142-143, 159-160, 171, 191-198, 201-205, 208-209, 237.

В.Баландин. Вокруг Ященко. – Сергачская жизнь, 2004, 17 авг., 21 сент., 4 дек.

Александр ЯЩЕНКО

КИЛЛАЛПАНИНА

(из книги «Путешествие в Австралию»)

Наконец, в первому часу мы прибыли на миссионерскую станцию.[I] Первыми нас встретили черные и белые мальчики. Один из белых мальчуганов размахнулся и далеко вдаль кинул маленький бумеранг. Кривое орудие словно птица умчалось вверх и, описав полукруг, упало на удивительно далеком для не посвященного в тайну его движения расстоянии. Для меня это был первый случай видеть метание этого загадочного орудия австралийцев.

Станция стоит на высоком берегу крика[II] и озераё Киллалпанины, сплошь покрытом дюнами песку. Станция состоит из нескольких домов, сараев и церкви. Дом пастора имеет внутри европейский комфорт. Таковы комнаты и других интеллигентных жителей станции – помощника

пастора и учителя местной школы для черных. Кроме пастора Рейтера[iii] с семьей, его помощника Богнера и англичанина учителя Гирлиера[iv] в миссии в мой приезд еще жили пастор Стрэлло[v] с семьей, приехавший на отдых из миссии в Макдональд-рэнжес, и пастор Луе[vi] из городка.

Я поднялся на холм и вручил рекомендательные письма Рейтеру, который и ввел меня в свой уютный кабинет, где сидели остальные обитатели миссии. Мы познакомились и начали беседовать по-немецки. Было очень приятно после грязи посещенных мной станций встретить здесь чистоту, простоту и аккуратность немцев. Рейтер исполнял в это время функции киллалпанинского почтмейстера (оплачиваемого правительством). Он занялся штемпелеванием полученных и отправляемых писем, пока я разговаривал с его компаньонами.

Когда Рейтер кончил, то направил меня прежде всего к умывальнику, а затем по случаю обеденного времени мы все отправились к обеду: я в качестве гостя к столу хозяина, куда, впрочем, по принятому в этих местах гостеприимству, были приглашены и другие пассажиры; [кучер] Джемс уселся закусывать рядом вместе с прислугой. Стол был накрыт по-европейски, но просто. Меню состояло из козлятины с соусом и картофелем и пикулей. В заключение, конечно, чай.

По случаю моего приезда пастор отменил своим детям урок истории. В этот день он показал мне свой музей, то есть собрание редкой утвари и оружия туземцев.

Во втором часу пастор сам позвонил в церковный колокол и повел меня в церковь, где я сидел на алтарном возвышении. По звуку колокола черные начали собираться и рассаживаться: налево от входа мужчины, направо женщины, дети впереди. В числе этих присутствовавших было двое взрослых мужчин (из них один старик), две старухи, несколько пожилых женщин и девушек и кучка детей. Все, сидя вместе с пастором, пропели весьма благозвучно молитву, только голоса были несколько резки. Засим пастор начал спрашивать пройденное ранее; спрашивал он всех – малых и больших. Малые, конечно, отвечали охотнее и громче. Старик с черной, слегка седеющей бородой говорил тише и неохотнее всех других. Он был еще язычник, который «хочет» сделаться христианином и потому ходит слушать пастора. В этом уроке выручали больше дети. По словам пастора, дети ему таким образом помогают идти в курсе далее.

А.Л.Ященко (слева, на пригорке) у церкви в Киллалпанинне

После урока все встали, громко хором пропели молитвы, и пастор отпустил свою будничную паству – в воскресенье она бывает, по его словам, гораздо многочисленнее. Это было так называемое поучение (Unterrichtung). Говорил пастор на местном языке[vii], по которому он для туземцев составил грамматику и словарь, а также и евангелие.

После обеда мужчины вновь пошли в кабинет пастора.

Беседовали мы долго. Один за другим приходили прощаться дети. Около половины девятого пришли хозяйка и ее подруга, жена Стрэлло. Работая, они слушали нашу беседу. Я разговорился о целях моего приезда и понудил пастора Рейтера вынуть его записки, которые составляют, наверное, ценный материал и заключаются в нескольких книгах конторского формата, где в систематическом порядке изложены материалы по быту черных, их верованиям, легендам, их

языку и туземным названиям и данные о животных по понятиям туземцев. Для моей поездки были особенно ценны последние, но я напрасно уверял пастора в необходимости публиковать их.

Он сказал, что записывал все ради простого сохранения всего того, что неминуемо исчезло бы без записи в несколько последующих лет (он здесь 15 лет и в первый же год сам выучился языку за отсутствием каких-либо руководств). Немецкие общества не раз уже просили у него эти записи, но он отвечал всегда отрицательно, да и книги эти исследователю (это значит мне) показывал впервые. Вот некоторые данные, которые я для примера исторгнул из уст пастора во время его беседы.

Аборигены считают так: раз, два, три, два-два (четыре), рука (5 пальцев), три-три (6), рука-два (7)... три руки-три (18) и т. д.

Счет дней у них сложный: имеется не только понятие «завтра», но и «послезавтра», и «послепослезавтра», и некоторые другие указания следования дней друг за другом.

Время они считают по солнцу: «темно», «рассвет», «восход», «солнце невысоко», «солнце повыше», «солнце в зените», «солнце склоняется», «солнце приближается к заходу», «солнце заходит», «сумерки», «темно».

Продолжительность времени измеряется по лунному календарю – от полнолуния до полнолуния, например: «две луны и столько-то дней».

Туземцы обращают большое внимание на звезды и имеют для них много названий.

По лунам, временам года («жаркое солнце», «холодное солнце») и положению звезд на небе они знают время и место цветения тех растений, которые им полезны, и в это время ходят собирать их.

Они разбираются в крике птиц, и эти крики служат им, очевидно, предупреждением. Ворона иногда указывает им пребывание врага. Одни и те же птицы следуют за путником.

Они знают жизнь животных, читают их следы, безошибочно находят норы как зверей, так и пресмыкающихся, гнезда птиц [...]

В непогоду черные знают, как вести себя: во время грозы не становятся под деревья, не бегут, избегают блестящих предметов и даже зарывают в земле все, что блестит. По их разумению, хороши только некоторые, и притом недуплистые, деревья, и они становятся под ними или забираются в низкие кусты.

В минувшие времена опасностей от белых и соотечественников люди располагали свой бивуак на вершинах холмов, чтобы дальше видеть и чуять.

Коренные австралийцы очень честны. Пастор Рейтер ни у себя, ни у складов и амбаров дверей не запирает. Найденные кем-либо потерянные деньги тотчас возвращаются пастору.

В прежних схватках с белыми туземцы часто одерживали верх, хотя и были плохо вооружены. Белые часто были не правы, и пастор знает имена двух белых, убивших туземца ради одного только желания – выстрелить в цель. Таким фактам я противопоставлял жизнь Миклухо-Маклая среди диких папуасов Новой Гвинеи.

Туземцы иногда натирают тело жиром для блеска и, вероятно, для защиты от палящих лучей солнца.

Изложенное здесь есть какая-то десятая доля процента капитальных сведений, заключающихся в объемистой книге пастора о коренных австралийцах.

Он, как я уже сказал, не желает их публиковать теперь, хотя и согласился со мной, что его материалы имеют научную ценность.

В дополнение к вышеприведенным данным упомяну, что в книге пастора есть графическое обозначение закона бракосочетаний и родства.[viii] [...]

В 9 часов подали пиво и [...] домашнее печенье. Мы поговорили о религиях, причем все три пастора заинтересовались русским священником о. Григорием Петровым, не отрицающим возможности иного толкования евангелия.[ix]

Свою миссию пастор Рейтер объяснял желанием оказать черным добро, кормя их, не спрашивая большой работы и приводя их в христианство. По-моему, без такой помощи со стороны Общества[x], членом которого состоит пастор и на чьи средства поддерживает жизнь черных, здешнее племя быстро бы вымерло, так как зимой они, оттесненные ныне белыми в подобные мало- и даже безводные уголки, не могли бы добыть достаточно пищи и питья. Они ели (впрочем, и теперь не брезгуют) змей и ящериц, преимущественно больших, [...] личинок, семена и корни некоторых растений и, конечно, всяких птиц и млекопитающих Австралии.

В 10 часов все пошли спать, и пастор проводил меня в мою комнату в отдельном флигеле поодаль, за церковью. Комната просторная, но без камина, в одно окно и в одну дверь. В ней полка с какими-то наполненными склянками, стол, у которого не хватало одной ноги, из-за чего он был

прислонен. Перед окном стоял другой стол для работы, два стула, круглая плетеная (черными) циновка, ящик с тазом для умывания и железная кровать с мягким тюфяком, чистым бельем и теплыми покрывалами. Земляной пол покрыт клеенкой. Вода в большом сосуде, напоминавшем банку. На стене зеркало, рваная олеография с каким-то горным и водным видом Англии, с башней и лодкой и небольшая картина над кроватью, изображавшая видение Иаковом лестницы. Поодаль от этого флигеля виднелся домик, занятый Богнером. Умывшись на сон грядущий, я славно проспал до 8 часов утра, когда ко мне постучал пастор Стрэлло, пригласивший к утреннему завтраку. Все были в сборе, кроме пастора Рейтера. Так как я пришел несколько поздно, то и пропустил молитву. После завтрака я пошел работать и показал Рейтеру свои припасы и птиц.

В одиннадцатом часу обед. После звона [колокола] пастор Рейтер раздавал черным хлеб хорошими ломтями. Хлеб белый. Малый и большой – каждый подходил и, взяв кусок, уходил. Резал хлеб пастор особой машинкой, под которой бегали и клевали падавшие крошки куры. Еду черные получают трижды: утром хлеб, в обед хлеб и немного мяса и вечером хлеб. Кроме того, в общей чайной они пьют чай [...]

Вторая ночь прошла так же хорошо, как и первая. Между прочим, узнал, что мою комнату (я ее заставал прибранной) убирала жена пастора Стрэлло, привыкшая к этой работе в миссии своего мужа.

В среду 29 июля совершил интересную прогулку по окрестностям. Утром после завтрака я отправился вместе с пастором Рейтером и очень большой компанией в путь. Нас было десять человек: я, Рейтер, трое туземцев (один – бородатый, другой – седой старик и третий – молодой лет 22) и пятеро сыновей Рейтера, старшему из которых было 13 лет. Я шел с фотоаппаратом, биноклем и спиртовой банкой. Рейтер с палкой и патронами, старик с ружьем, данным ему Рейтером, остальные с провиантом, водой, а дети с легкими бумерангами. Мы перешли через ложе «озера» Купер-крика по пухлому дну, кое-где покрытому пластами соды, на другую сторону крика, на песчаные бугры с кустиками травы, около которых работал ветер, сметая и надувая песок. Эти холмы – прибежище разных творений: крыс-кенгуру, мышей, ящериц, скорпионов, пауков, многоножек, жуков и т. п. Началась моя коллекторская жатва.

Наши опытные проводники, только взглянув на норку в песке или другом месте, тотчас же говорили, кому норка принадлежит, обитаема ли она или нет, и если я выражал желание добыть ее жильца, то тут же принимались за рытье и безошибочно находили именно то, что предполагали, быстро пополняя мою коллекцию. Ящерицы зарывались на зимнюю спячку неглубоко в песчаные холмики между корней; напротив, скорпионы, пауки и другие забирались далеко в глубь почвы, в более влажные ее слои. Черный спутник копал землю рукой и бумерангом, быстро разбираясь в извилинах самых узких и запутанных ходов, причем палкой и рукой исследовал степень влажности почвы (обитатель норы глубоко во влажный слой не уходил, а держался в известном месте слоя). Таким образом, мои туземные помощники добыли много животных и между ними даже лягушку. Это животное, уходя от засухи, просверлило очень глубокую нору, где и намеревалось провести мирно время до новых дождливых дней. Разумеется, норка эта была в ложбинке.

Пройдя холмы, мы углубились в лес крика. Он состоял из деревьев, мне уже знакомых по прежним местностям, деревьев с малой тенью и редко росших: кассия, бокс, [...] водяное[xi], эвкалипты. Некоторые из них были довольно высоки, что, впрочем, не останавливало молодого аборигена, лазавшего смотреть гнезда. Во время этих экскурсий он достал мне яйца какаду из дупла, а сын Рейтера нашел кладку мелких яичек в одном из кустиков. Они принесли мне также молодого птенца ласточки, но я велел положить его обратно в гнездо. В этом лесу наши спутники то и дело находили деревья со съедобной гусеницей величиной с хорошую толстую сосиску, о пребывании которой внутри дерева они угадывали по признакам, только одним им понятным. В таких случаях один из них топором (когда-то это проделывалось каменным) очищал кору и слегка ее стесывал, проверяя и обнажая ход гусениц. Затем он делал из веточки палочку с крючком и, запустив ее в ход, иногда длинный (с пол-аршина), ловко поддевал и вытаскивал жирную гусеницу. «Это мы едим, – прибавлял старик и как бы в оправдание добавлял: – Очень вкусно». Старик туземец без промаха стрелял мне птиц по заказу, предварительно ловко к ним подкрадываясь. При этом он очень усердствовал и порядком разбивал их выстрелом. Но лучше разбитые, чем никакие. Почти каждый раз он приносил мне новый вид, так как понял, чего именно мне больше надо. Возле одного песчаного прибрежного островка убили кролика.

В час дня решили закусить. Из водяных мешков налили воду в три сосуда (черные себе кипятили отдельно), развели костерок и, уставив сосуды под ветер, поставили греть воду. На отдельном костре туземцы жарили кролика – как он был, в шкурке. Здесь черные показали мне,

как можно добыть в этих местах огонь трением. Бородатый достал поблизости две небольшие сухие палочки из корневых отростков деревьев. Седой соскоблил с них кожицу и, стерши ее, как табак, между ладонями, приготовил трут. Одну палочку, которую надо было вращать, он обстругал, на другой сделал зарубку и в ней выемку для вложения конца вертящейся палочки. Затем, поплевывая на руки, чтобы не скользили, они поочередно принялись старательно вертеть, сучить палочку, уперев ее концом в выемку. Палочку, в которую упирался конец вращаемой, крепко и по возможности неподвижно удерживали на земле. Около выемки в неподвижной палочке был положен трут. Все трое много старались, сменяя один другого.

Минут через пять палочка задымилась, причем обуглившийся конец ее, стираясь, образовал около выемки беловатое золистое колечко. Это был маленький очажок с микроскопическими угольками-пылью. Когда этого беловатого порошка было, по мнению черных, достаточно, седой ловко скинул и обвернул ее трутом и выставил на ветер. Там он добавил к обложке сухих прутиков. Вскоре из середины пробился дымок, быстро сгустившийся, а через минуту весь пучок ярко вспыхнул.

Черные заявили мне, что они могут добыть огонь таким образом и ночью и без ветра; в последнем случае ветер заменяется раздуванием. Дело это все-таки требует сноровки и, судя по пыхтению моих менторов, также и труда: оно, безусловно, утомительно. Для него пригодно не всякое дерево, предпочтительны корневые отростки сухого, неживого. Кажется, впрочем, что при старании и от живого дерева можно добиться результатов. Поев вдосталь мяса, колбасы, печенья, напились чаю. Туземцы ели отдельно. Все трое были очень добродушны, хотя бородатый с виду имел весьма грозный вид. Перед и после еды пастор прочитал коротенькие молитвы.

Снова пошли бродить по лесу, добыли еще кролика. Эти животные днем не бегают, а смирно сидят в норах или в кустиках, но от зорких глаз черных и нашей молодежи трудно было чему-либо укрыться, и глаза их скоро открывали свою жертву. Иногда мы расходились по лесу и тогда, по здешним обычаям, взятым от черных, кричали протяжно «ку-и», что равносильно нашему «ау». Рейтер рассказал мне случай с одним австралийским студентом, сопровождавшим геологическую экспедицию профессора Георги, который в этом лесу заблудился и был отыскан лишь на другой день черными миссии, выследившими весь его путь по следам, недоступным глазу белого.

Студент был найден сидящим в отчаянной позе, склонивши голову на руки. Чтобы не сбиться со следу, туземцы обходят заросли кругами, высматривая входной и выходной след, и если выходного не видят, то, значит, отыскиваемый уже найден: он должен быть в обойденном кругу. Таким путем они экономят время, так как в зарослях след все же труднее разглядеть, чем на опушках. Однако иногда гибнут не одни белые: даже раз погиб так афганец, разыскивавший верблюда,[xii] а другой раз и австралиец, но это случилось летом, когда в этих местах провести один день без питья прямо невыносимо.

Отчасти ради забавы, отчасти ради предполагаемого улучшения почвы для живого леса пастор, туземцы и дети поджигали лежавший сушняк и листья.[xiii] Рейтер указал мне на деревья (акации), семена которых молотят и, размолов, приготовляют (черные) хлеб и муку. После леса снова вышли на холмы и занялись выкапыванием скорпионов, иногда на глубине метра. Обойдя во время экскурсии большой круг, мы вышли к станции с другой стороны, к ее паддоку, с которого на нас дружелюбно посматривали станционные лошади. Пришли мы близко к обеду, который был, конечно, особенно вкусен [...]

Сегодня, в пятницу, фотографировал население станции и музей утвари и оружия туземцев, собранных Рейтером, хижину австралийцев. Среди обитателей ее был один больной черный христианин другого племени. Фотографировал также группы для пастора и получил в дар три бумеранга от пастора и кое-что из мелочей от Гирлиера (наконечники для нанесения рисунков). Со всеми тремя пасторами очень подружился. Пастор Луе из них наиболее начитан, знает Достоевского, Гоголя, Ибсена и, конечно, знаком хорошо с Шиллером, Гете, а из новых авторов с Гауптманом и др.

В обед с Макдональдовых гор, за 700 миль отсюда, прибыл караван скота. Этот скот пасется далеко на привольных [...] пастбищах и пригоняется сюда для нагуливания мяса, так как травы в киллалпанинских паддоках весьма питательны. Нагулявшийся скот, конечно, выгоднее продается.

Рейтер на этой станции вот уже двенадцать лет совмещал в себе должности управителя (менеджер), учителя и пастора. Он говорит, что устал, и теперь ему дали двух помощников – Богнера (заведующим хозяйственной частью) и Гирлиера (учителем). Со станции, когда едут на реку Финкен[xiv] за скотом для нагуливания, командируются белый и четыре туземца с 20 лошадьми под верх для ночного караула скота в смену и для перевозки провианта. Дорогой режут быков,

предварительно их пристрелив, бьют также при случае птиц и кенгуру [...]

В субботу, пользуясь свободным днем мистера Гирлиера, я совершил в обществе с ним вторую прогулку в окрестности. На дорогу мы взяли бутербродов и воды в мешках, так как шли в безводную местность. С нами был седой коренной австралиец, прежний спутник, и два других: один с черной, другой с сильно поседевшей бородой и слезящимися глазами. С нами пошли также два туземных мальчика. Перейдя через Купер, мы пересекли первую гряду песчаных холмов и затем начали переваливать один за другим через остальные. Гряды эти идут в западно-северо-западном направлении с удивительной параллельностью и одновысотностью [...]

Туземцы, неся вещи, в то же время зорко осматривали все кусты и горки, почему я очень скоро стал обладателем разных яиц, а когда хотел, то и птенцов. Охотник на этот раз основательно пуделял (промахивался), может быть потому, что я просил его не стрелять близко, чтобы не разбивать птиц вдребезги[xv] [...]

В первом часу расположились обедать у куста водяного дерева. Быстро развели огонь и поставили греться котелки. Тем временем австралийцы принялись выкапывать или, вернее, отрывать корни деревьев, кучкой росших у нашего костра. Им хотелось показать мне, как в былое время, живя в этой безводной местности или бродя по ней, они добывали себе питьевую воду. Такую попытку они уже проделали немного ранее, но куст оказался старым, больным, и воды добыли очень мало, что было, по их мнению, недостаточно убедительно. На этот раз они на протяжении нескольких метров раскопали толстые корни, которые содержали много воды. Пробуя «на воду», они взмахивали обрубком корня и, когда показывались капли, быстро ставили его в сосуд; для этого употребляется особое корытце.

Из пяти корней, разрезанных на части, мы получили хороший стакан воды, буроватой, на вкус дождевой. Вода может получиться и совершенно светлая. Если поискать получше деревья, то мы могли бы свободно добыть хороший котелок воды за полчаса времени. Если предварительно подвергнуть обжиганию надпочвенные части живого дерева, то воды в корнях находят, говорят, больше. Это, наверное, объясняется прекращением испаряемости воды через листья, а потому вода и скапливается в первое время в корнях.

Покончив с едой и корнями, мы проделали еще один опыт с добыванием огня путем трения, причем для палочек пользовались опять сухими корневыми мочками от водяного дерева. Трутом на этот раз служил кусочек помета коровы.

Наконец, мы тронулись дальше и направились к дому. [...] Дорогой Иоганн[xvi] рассказывал мне про растения, когда я срывал тот или другой цветок или топтал жирную траву, полную влаги утренних рос. Некоторые корни небольших растеньиц, слегка напоминавших наш подорожник, имели подземные клубни, легко вытаскивавшиеся из песчаного грунта. Эти клубни формой были похожи на картофель и морковные корни, а вкусом, когда я их попробовал вареными, – земляную грушу. Некоторые травы по вкусу напоминали щавель. Здешние корнеплоды туземцы ели с аппетитом. Иоганн вытащил мне такие картофелины для коллекции, и я их, конечно, заспиртовал. [...]

Сегодня среда, последний день моего пребывания в Киллалпанине. Я собирал вещи, препарировал розового какаду, которого мне добыл Иоганн, показывая эту работу интересовавшимся туземцам, фотографировал их разными группами, между прочим, за плетением корзин, и занес все, что нужно, в дневник и записную книгу.

Вечером в кабинете Рейтера мы слушали старинные песни австралийцев с их гортанным и носовым напевом. Рейтер дал сведения о зверях и птицах. Кое-что купил у черных за табак, но эта монета оказалась не столь действенной здесь, как о том уверяли меня в Аделаиде. После обеда Рейтер читал послания апостолов, и мы хором пели кантаты [..]

На этом кончаю свой журнал о Киллалпанине. Завтра увижу школу туземцев, и это будет концом моих здешних наблюдений и исследований, полных для меня неисчерпаемого интереса.•

[1] Киллалпанина (правильнее Киллалпаннина) – центр большой лютеранской миссии, расположеный в 80 милях от Херготт-Спрингса. Миссия была основана в 60-х годах XIX в. в районе расселения племени диери

и других родственных племен. В ее состав входили более 20 зданий, церковь, школа, хозяйственные постройки и жилища для аборигенов.

[2] В Австралии криками называют небольшие пересыхающие реки, текущие по песчаным равнинам и нередко оканчивающиеся соленым озером или пропадающие в песках. Крик наполняется водой только в дождливое время, а большую часть года представляет просто ряд бочагов в сухом русле.

[3] Дж. Г. Рейтер (Reuther), уроженец Германии, в 24 года решил стать миссионером и получил назначение в миссию Киллалпанинна. Долгие годы выполнял функции не только миссионера, но и управляющего. Человек глубоко и искренне убежденный в правоте своего дела, он принадлежал к плеяде миссионеров, которые считали невозможным доносить слово Божье до аборигенов без глубокого понимания их духовного мира, досконального знания языка. Сбор и изучение этнографических материалов играли большую роль в деятельности пастора Рейтера. Результатом его исследований стал 13-томный труд, ныне хранящийся в Музее Южной Австралии. Рейтер составил четырехтомный словарь языка диери и диалектов соседних племен, а также грамматику; он подготовил свод топонимических названий окрестных мест, собрал антропонимы, вел летопись местных событий. Для этнографии очень большую ценность представляют записанные им легенды аборигенов.

[4] Г. Хиллиер (Hillier), который оказал пастору Рейтеру существенную помощь в сборе материалов об аборигенах, в частности составил подробнейшую карту аборигенных топонимов северо-восточной части Южной Австралии.

[5] Карл Штрелов (Strehlow), возглавлял миссию Германсбург, расположенную к западу от Алис-Спрингса. Так же как и Дж. Рейтер, он много сделал для изучения культуры аборигенов; его перу, в частности, принадлежит классический труд по этнографии аборигенов племен аранда и лоритья.

[6] Имеется в виду, очевидно, друг Дж. Рейтера Й. П. Лоэ.

[7] То есть на языке диери.

[8] Аборигены имели сложную систему брачных классов, предписывающих и запрещающих брак с определенными лицами в зависимости от степени родства. У диери, в частности, допускался брак лишь между перекрестно-троюродными братьями и сестрами.

[9] Выдающийся проповедник Г. С. Петров выступал в печати и приобрел известность в широких слоях общества. Синод, обвинив его в протестантизме, а с 1904 г. в участии в политическом движении, объявил большую часть произведений Петрова антицерковными и лишил его священнического сана.

[10] Лютеранское миссионерское общество.

[11] Водяное дерево, называемое иногда еще нидльбуш (Needlebush). В корнях этого дерева содержится значительное количество воды.

[12] Афганцы-погонщики верблюдов попали в Австралию во второй половине XIX в., когда для освоения пустынных центральных районов в качестве транспортного средства использовали верблюдов.

[13] Выжигание подлеска и сухой травы широко практиковалось аборигенами. Выраставшая вскоре свежая трава способствовала привлечению стад кенгуру.

[14] Речь идет о высыхающей реке Финк.

[15] Ященко подметил характерную особенность охоты аборигенов, успех которой зависел не столько от умения метко попадать в цель, сколько от умения подкрадываться к дичи и поражать ее с очень близкого расстояния.

[16] Речь идет об упоминавшемся выше «седом аборигене».

(Примечания Е. Говор)

ВОКРУГ ЯЩЕНКО

Виктор Баландин

Виктор БАЛАНДИН

Очень немногие в Сергаче помнят Александра Леонидовича Ященко-старшего, ученого-естествоиспытателя, географа-путешественника, педагога, жившего по ул. М. Горького в собственном доме в 1927-1937 годах. [...] В конце позапрошлого и начале прошлого веков он был доминирующей личностью, связующим звеном между отцом Леонидом Несторовичем и сыном Леонидом Александровичем и внуком Александром Леонидовичем-младшим. Об этих колоритных, широкообразованных, разносторонне

одаренных, высокоинтеллигентных и трагических фигур пойдет речь в данных очерках «Вокруг Ященко».

Документами, которыми я располагал, были письма А.Л. Ященко-младшего к другу в Сергач, справки архивов, письма правнучки А.Л. Ященко-старшего Марии Александровны (дочери А.Л. – младшего), которой я несказанно благодарен за терпение отвечать мне на десятки вопросов в десятках писем, представляющих сами по себе определенный исторический интерес, и за многочисленные фотографии.`

ПРАДЕД

Из письма Александра Леонидовича-младшего другу в Сергач.

«Очень колоритной фигурой был мой прадед Леонид Несторович Ященко. Самостоятельную жизнь он начал с 15 лет, с этого времени стал зарабатывать на жизнь, да еще кормить своего отца, который ослеп. В Московском университете он был одним из лучших студентов юридического факультета.

В молодости прадед примкнул к революционному движению, был народовольцем. О его деятельности как народовольца существует большая литература, начиная от «Колокола» А.И. Герцена. Герцен не раз отмечал высокую честность моего предка, то, что он, будучи под следствием (сидел в Петропавловской крепости), не выдал ни одного из членов своей организации.

Леонид Несторович Ященко с сыном Александром

Крепостное право считал оскорблением естественного состояния человека и значительную часть жизни посвятил борьбе с ним.

Был выслан в г. Бугульма Самарской губернии. [...] Прадед в свое время был, пожалуй, лучшим адвокатом Поволжья, имел ученую степень. Создателем семейного благополучия был именно он. Часть жизни прожил в Самаре, где под старость председательствовал в Самарской коллегии адвокатов. Был феноменально одаренным человеком: отлично знал немецкий, французский, итальянский языки. И отлично знал уголовное право Германии, Франции, Англии, Италии.

В Самаре под руководством прадеда начинал свою адвокатскую деятельность В.И. Ленин. Прадеду не очень нравилось, что В.И. Ленин не стремился сколько-нибудь прилично заработать, а жил за счет денег, которые ему присылала мать. В.И. Ленин бывал, кстати, у прадеда в гостях. Дед мой Александр Леонидович и бабушка Мария Николаевна не раз играли с ним в шахматы. Как потом вспоминала бабушка, которая была отличной шахматисткой, в шахматы В.И. Ленин играл замечательно – обыграть его было практически невозможно.

Крестьянской реформой 1861 г. прадед был полностью удовлетворен, деятельность Александра II оценивал очень высоко (полагаю, что Александром дед мой был назван в честь Александра II). Когда в Самаре открывали памятник Александру II, речь при открытии... произносил мой прадед... Так называемый революционный террор, деятельность кибальчичей, желябовых и т.д. прадед сурово осуждал. В свое время он пророчески сказал: “Когда-нибудь у нас в России поймут, какое это страшное зло – террор”.» [...]

Через дочь Леонида Несторовича Александру Леонидовну протянулась нить к родству с А.М. Горьким. Она вышла замуж за Алексея Андреевича Введенского, ставшего впоследствии профессором хирургической анатомии Томского Университета; от этого брака было девять детей, в том числе и Надежда – жена Максима Пешкова. [...]

ДЕД

Из письма Александра Леонидовича-младшего другу в Сергач.

«Дед [Александр Леонидович] был очень трудолюбив, как правило, работал в нескольких местах – как до революции, так и после нее. Основная его служебная обязанность до

революции – чиновник по особым поручениям при ведомстве императрицы Марии; дед был ревизором учебных заведений. Он дослужился до очень высокого чина – действительного статского советника, что равнялось чину генерал-майора. За четыре года до революции его стали именовать «Ваше превосходительство».

Дед был воззрений демократических и к своему дворянскому происхождению относился не без иронии. Превыше всего он ценил культуру, благородство души, умение отдавать себя на пользу людям. После революции он легко бы мог уехать за границу и неплохо там устроиться – у него было имя, он был известен, отлично знал языки, но дед не эмигрировал, он беззаветно любил Россию, малой капелькой которой для него был город Сергач. Обширны и разносторонни были связи Александра Леонидовича с деятелями культуры, писателями, поэтами, художниками. До того, как породниться, Александр Леонидович и Алексей Максимович Горький были знакомы, даже некогда жили на одной (лестничной – В.Б.) площадке в Н. Новгороде». [...]

В архиве Александра Леонидовича были 34 письма Алексея Максимовича, все они бесследно исчезли, как и четыре письма В.И. Ленина, в 1937 г. при аресте деда. Александр Леонидович был знаком с И.А. Буниным, А.А. Блоком, Н.С. Гумилевым, многими другими писателями, художниками, учеными. У него были подлинные картины Айвазовского, рисунки И.Е. Репина, картины Нестерова и других художников.

«Дед был не только видным ученым-зоологом, не только хорошим писателем и неплохим композитором, но и незаурядным художником», – вспоминал Александр Леонидович-младший о деде. [...]

По возвращении из Австралии А.Л.Ященко назначается «членом совета и инспектором курсов Нижегородского Мариинского института» (ныне Нижегородской педагогической академии), в связи с чем переезжает с семьей в Нижний Новгород. Здесь в течение одного 3-летия он состоял гласным Нижегородского губернского земства, с 1907 по май 1917 г. гласным Сергачского уездного земства. Отсюда идет его знакомство с Сергачом.

К 1904 г., по сведению Марии Александровны Ященко, относится приобретение имения «Марусино» в селе Новое Еделево Сергачского уезда, которое доставило семье немало хлопот после революции. Имение [...] не было родовым, [...] принадлежало оно мещанке Редозубовой. При доме был обширный парк и 325 десятин земли.

Из писем А.Л. Ященко-младшего другу в Сергач. «Куплено имение было за 25 тысяч дореволюционных рублей; очень большую часть этих денег заработал дед, он умел трудиться как муравей, а часть денег была бабушкиным приданым. Нижегородский краевед Исаев очень интересовался историей моей семьи, он установил, что до Редозубовой имение принадлежало Анненкову, известному декабристу [...] Кажется, дом был выстроен самим Анненковым, Редозубовой дом впоследствии был продан со всей обстановкой – мебелью и библиотекой. Также поступила и Редозубова... В библиотеке были редчайшие (особенно французские и латинские) издания. Этот дом [...] интересовал многих художников, в частности Никонова, создавшего иллюстрации к книге «Хруп», некогда написанной дедом. На ряде иллюстраций запечатлен именно дедушкин дом. Будучи в Англии, дед познакомился с писателем Киплингом [...], подарил ему свою книгу с автографом... Киплинг долго рассматривал иллюстрации к книге, ему очень понравилось изображение дедовского дома и виды нашего Сергачского Припьянья».

В 1911 г. Александр Леонидович вновь переводится в Петербург с назначением «чиновником особых поручений V класса» при канцелярии по учебным учреждениям императрицы Марии, начинается работа по бесконечному инспектированию, ревизиям учебных заведений и в многочисленных комиссиях. [...] Отдушиной в этой деятельности была преподавательская работа в женском педагогическом институте. [...]

6 мая 1917 г. Александр Леонидович был «уволен, согласно прошению, от службы, с мундиром, должности присвоенным». [...] В мае 1917 г., получив пенсию учителя, он со всей семьей переезжает в Новое Еделево (ныне относится к Гагинскому району). Но и здесь деятельная

натура Александра Леонидовича не позволяет ему отдаться деревенскому покою. Он разъезжает по селам и деревням с лекциями по естествознанию, выступает с докладами на разных краткосрочных курсах и в конце концов возвращается к работе учителя в Гагинской школе 2-й ступени.

Из писем А.Л. Ященко-младшего другу в Сергач. «Во время революции еделевские мужики даже не подумали разорять дедовский дом, они деда крепко уважали, ему выделили крестьянский надел (дали землю на жену и детей). Дед пахал, сеял, жать ему помогали дочери Анна и Вера.

В 1927 г. (если не ошибаюсь) в доме деда появился представитель уездной власти (фамилию его называть не буду – В.Б.). Был он некогда в армии рядовым – и ему страх как нравилось пренебрежительно разговаривать с бывшим генералом (действительным статским советником). Выставив ногу в сапоге и поигрывая кобурой маузера, он заявил деду, что дом у него как у бывшего помещика отбирается, и что дед со всей своей семьей может отправляться на все четыре стороны.

«А где же нам жить?» – наивно спросила старшая дочь деда тетя Нюта, бывшая тогда совсем молодой девушкой.

«А где хотите. Хотите – под кустом, хотите – под какой-нибудь сосенкой».

«Иван Петрович (назовем его так), – очень вежливо сказал дед. – Взгляните, пожалуйста, в окно».

«Иван Петрович» взглянул и заметно съежился. Около дома стояла весьма внушительная крестьянская толпа. Было чему испугаться «Ивану Петровичу»: во-первых, крестьяне Сергачского уезда его почему-то очень не любили, а во-вторых, была инструкция: в силу того, что было очень много в свое время крестьянских восстаний, попусту крестьян не волновать.

«Знаете что, «Иван Петрович», – все также вежливо сказал дед, – давайте-ка выйдем на крыльцо. Вас никто не тронет, я за это ручаюсь».

Тот поколебался, но на крыльцо с дедом вышел. Дед, стоя рядом с «Иваном Петровичем», объяснял мужикам, в чем дело: мол, власть меня из дома гонит.

«Так что будем делать, Леонидович?»

«А ничего, – ответил дед. – Я просто обжалую решение уездной власти в Москве. Вот если Москва из моего дома меня погонит, ну, тогда уйду вместе со всем семейством. А пока, – обратился дед к «Иван Петровичу», – покиньте мой дом. Я вас не приглашал».

По ходатайству во ВЦИК 3 мая 1927 г. постановление Нижегородского Губисполкома от 15 октября 1926 г. о выселении А.Л. Ященко было отменено. [...]

«На основании [полученных] документов, – пишет Вера Александровна, – отец, получив назначение в Сергач, вывез свой дом, точнее его половину, из «Марусина» (в этом ему деятельно и очень дружелюбно помогли еделевские мужики—В.Б.), а остальные постройки продал. Дом этот он построил на углу улицы Овражной и М. Горького. Там он и жил до 1937 г.»

Семья деда

Жена Александра Леонидовича Ященко, Мария Николаевна (ур. Дунаева) родилась в Самаре в 1872 г. Она получила домашнее образование; позднее, уже будучи в Москве, закончила Бестужевские курсы. Женитьба Александра Леонидовича и Марии Николаевны относится примерно к 1895 г. Она никогда не работала, занималась воспитанием детей. Александр Леонидович был весь погружен в работу и времени на воспитание детей, очевидно, оставалось немного. [...]

У них было четверо детей: старшая дочь Анна (1895 г.), Вера (1897 г.), сын Леонид 1906 г. рождения и Мария (в семье ее звали Русей).

20 июля 1936 г. три поколения семьи Ященко, словно предчувствуя надвигающиеся над семьей трагедии, собрались и сфотографировались вместе на сергачской земле, чтобы уже больше никогда не встретиться.

Старшая дочь, Анна Александровна, закончила в Москве педагогический институт, работала учителем биологии, «жила в Москве в коммунальной квартире, – вспоминает М.А.Ященко, – умерла в доме престарелых. Всю жизнь ее кто-то опекал: и родители, и т. Вера (сестра), материально помогала ей Н.А. Пешкова. Т. Нюта хорошо рисовала, у меня есть ее картины».

На фото во втором ряду в центре Александр Леонидович-ст. с внуком Алей (будущий Александр Леонидович-мл.) и Мария Николаевна с внуком Дамиром, слева – Леонид Александрович с женой Верой Николаевной; справа – гувернантка семьи Метта Федоровна Гейльман и Анна Александровна с Майклом, сыном Веры, в первом ряду – Мария Александровна с сыном Мишей и Вера Александровна.

Долгую и нелегкую жизнь, полную трагическими обстоятельствами, прожила Вера Александровна Ященко-Никифорова – вторая дочь.

Рассуждая о превратностях судьбы, Александр Леонидович-мл. в письме другу рассказывает о Вере Александровне: «Пример тому – тетя Вера, сестра отца... Жениха т. Веры, которого она горячо любила, убили на фронте во время первой мировой войны. Отца ее, моего деда Александра Леонидовича, зверски убили; брата ее, моего отца, погубили в Магадане; мужа ее погубили органы НКВД; горячо любимый ею сын Михаил безвременно умер. Она мужественно все это перенесла, но горя было столько, что ничем, как говорится, не вычерпаешь».

Свою учительскую карьеру Вера Александровна начала в начальной школе в с. Березняки (близ Н. Еделева). В 1919 г. вопреки воле отца она уезжает в Москву, [...] поступает в университет. Чтобы решиться на этот шаг, надо было иметь сильный характер. Вспомним, что это было за время. Страна в огненном кольце гражданской войны. Нет чтобы отсидеться в спокойном хуторе Марусино (их имение в Н. Еделево) – она едет в голодную и холодную Москву, едет учиться.

В 1926 г. выходит замуж за Сергея Ивановича Никифорова, члена ВКП (б) с 1917 г. бывшего политкомиссара гражданской войны. В 1929 году родился сын Дамир («даешь мировую революцию»). Девочка Мая умерла 9.02.1931 г. в 11 часов. Через год в те же часы и тот же день рождается Май (он же Майкл, Михаил). [...]

О судьбе мужа Вера Александровна [...] писала: «Мой муж был арестован во время войны. Арестован как-то странно: его призвали, но с пункта призыва отправили в тюрьму. Я долго считала его в армии, потом без вести пропавшим, наконец, узнала, что он умирает в Горьковской области, близ станции Сухобезводное. Мне удалось с ним повидаться незадолго до смерти. Несмотря на то, что проезда по железной дороге не было, на моем пути из Сергача к умирающему мужу мне помогли замечательные люди, в частности, незабвенной памяти Николай Васильевич Плетюхин (сельский учитель, позднее инспектор Облоно, из круга знакомых А.Л.-старшего – В.Б.). Он (муж – В.Б.) умер 19.11.1942 г. Перед смертью его сактировали, и он умер в гражданской больнице».

«Но своим сыновьям, – напишет Вера Александровна позднее в «Книге о сыне», – о судьбе их отца я ничего не сказала. Они не должны были знать, что их отец осужден как враг народа. Я слишком хорошо знала, что значит быть дочерью врага народа».

Вере Александровне мы обязаны сохранением дневников отца, которые он вел, путешествуя по Австралии, и содействием в издании книги об этом путешествии.

Мария Александровна, младшая дочь в семье Ященко-старшего, прожила короткую жизнь, всего тридцать с небольшим. В юности уехала в Ленинград, закончила, всего скорее, педагогический институт (просвещение в семье Ященко – генетическое призвание). Известно, что она в совершенстве знала немецкий язык (заслуга гувернантки М.Ф. Гейльман). И это дало ей возможность еще в 1925-26 годах преподавать немецкий язык в Гагинской школе II степени. [...] На семейной фотографии 1936 г. в Сергаче Мария Александровна с сыном Мишей, ему годика четыре. Война застала их в Ленинграде. Сына удалось заблаговременно эвакуировать в Ярославль, а потом в Елабугу, где он умер от воспаления легких. Маме об этом узнать не пришлось.

В письмах, которые она посылала из блокадного города в Сергач матери и сестре, высветились ее чистая, возвышенная, одухотворенная душа, мудрость, жертвенность, оптимизм, патриотизм, любящая дочь и мать. Ее письма нельзя читать без волнения и сопереживания.

Вот ее первое письмо от 31.08.1941 г. «Милая, любимая Вера моя! Много, много хочется передать тебе. Хотелось бы передать и Нюте, да ей не знаю куда писать, так что ты, дорогая Вера, передай ей все то, что пишу тебе и целую, и обнимаю ее крепко, как и тебя. Устроилась ли ты в Сергаче как-либо? И как у Вас жизнь сейчас, как обстоит с питанием? Много ли приехало сюда из других мест? Милая Вера моя, я писала маме и Метфё (Метте Федоровне – В.Б.)... Хочу Вас просить срочно послать за Мишей (в Ярославль – В.Б.). Я знаю, Вер, что тебе очень трудно с твоими ребятами – содержать обоих сейчас нелегко. Я прошу в письме Метфё взять на себя заботы о Мише...

Помогите вырасти моему мальчику в семейной обстановке, дайте ему мою ласку. Я, милая Вера, в данный момент устала, ночь мало спала, поэтому пишу нечетко, а откладывать письмо не хочу, хочу ... послать письмо поскорее ... Милая моя Вера, не сочти мои просьбы о воспитании Миши за прощание меня с ним и со всеми, я отнюдь не собираюсь хоронить себя... Возможны случайности. Из-за них и пишу. Ну, любимая, крепко-крепко целую. Руся». [...]

Последнее письмо Руси было из Саратова, куда ее вывезли после снятия блокады. Самостоятельно она уже не могла писать, была крайне истощена и слаба.

«Милые, любимые, дорогие мамочка и Вера! Не бойтесь, что пишу не сама. У меня нарыв на правой руке. Весь университет переведен в Саратов до конца войны. Лично я выехала [в] Саратов не совсем здоровая и даже раздумывала, хватит ли моих сил на долгий путь – хватило! Сейчас я среди друзей в госпитале, здесь чудные доктора, студенты, обслуживающий персонал ... Не бойтесь, только я крайне истощена... Мои родные, пишите мне ласковые письма, адрес и все о дорогом мальчике (Миши уже не было в живых – В.Б.). Жив ли он? Сообщите мой адрес родным и знакомым. Кончаю, горячо целую. Ваша Руся».

Приписка: «Мамочка, я здесь первую ночь не спала, во мне дрожали слова: «Дом ли мой синеет вдали? Мать ли моя сидит перед окном?» Сейчас мне хорошо».

Больше писем от нее не получали. В ответ на запрос пришла из больницы телеграмма. Мария Николаевна в то время уже совсем была прикована к постели. Взяв из рук почтальона телеграмму, Вера Александровна прочла: «Мария Александровна скончалась». «Телеграмма от Русеньки? Давай ее сюда скорей!» – взволновано просила Мария Николаевна с постели. Вера Александровна, совладав с собой, делая знаки почтальону, ответила: «Да что ты, мама, это не нам». И почтальону: «Снесите эту телеграмму другим Никифоровым. Они живут на той же улице».

С картиной-портретом М.А. Врубеля «Весна» у меня ассоциируется чистый, светлый образ Марии Александровны Ященко.

Короткой, но содержательной и насыщенной была жизнь Леонида Александровича Ященко. Он родился 27 марта 1906 года в Н. Новгороде. Отец, Александр Леонидович, в это время исполнял службу инспектора классов Нижегородского Мариинского института.

Одиннадцать детских лет (1906-1917) Леонида Александровича приходятся на городской период его жизни в Нижнем Новгороде и Петрограде. По-видимому, он окончил всего несколько классов гимназии, и в основном его начальное образование было домашним.

В 1917 г. семья поселяется в собственном имении на хуторе «Марусино» близ с. Н. Еделево, [...] где на собственные средства Александр Леонидович выстроил школу для крестьянских детей. Вероятно, в ней Леонид Александрович и сделал свои первые шаги на педагогическом поприще. «Он им стал (учителем – В.Б.) чуть ли не в 16 лет», – писала в одном из писем о брате Вера Александровна Никифорова. [...]

Самая ранняя фотография, с запечатленным на ней Леонидом Александровичем, имеющаяся

у меня (7-ой выпуск Гагинской школы II ступени) относится к 1926 году. Директорствовал его отец, а Леонид Александрович преподавал математику; сестра, Мария Александровна, – немецкий язык. [...] Ему 18 лет, а выпускнице Вере Лебедевой, что на снимке пятая слева в верхнем ряду, с длинной косой, – годом меньше. Она уроженка с. Кошкарово нынешнего Сергачского района, дочь сельского учителя Николая Николаевича Лебедева. Гены просветительства, учительства – в крови родителей с обеих сторон. Немудрено молодым людям влюбиться друг в друга. Так и случилось.

Сын Леонида Александровича Александр Леонидович-младший эту ситуацию, очевидно, со слов матери, Веры Николаевны, описывает так.

«Когда отец впервые вошел в класс, где училась мама, и впервые ее увидел, у него дух захватило, и он не сразу мог начать говорить. Маме отец тоже приглянулся с первого взгляда. Но отец держался идеально, ничем не выдавая своих чувств до самого момента получения моей мамой документа об окончании школы. Он сразу же сделал предложение – и мама, не раздумывая ни минуты, его приняла. Отец пошел просить разрешения на брак у Николая Николаевича, отца Веры. Тот вначале страшно рассердился: «Какой вы педагог! Вы развращаете ваших учениц! Вера, что это такое? Это – распущенность». «Папа, – очень твердо сказала она, – это далеко не распущенность. Если нужно будет выходить замуж, я выйду только за Леонида Александровича и ни за кого другого». Тут на сцену выступила мама Веры, Ксения Семеновна, которая очень благоволила к отцу. «Не слушайте вы его, – кивнула она в сторону мужа. – Я на этот брак даю свое полное согласие. Так что с Богом, ребята. Только давайте по-старинному: я вас иконой благословлю». Дед, смутившись, нравоучения свои тут же прекратил, дал свое согласие и тоже папу и маму благословил».

Вместо свадебного путешествия они удалились на два года учительствовать в с. Аносово. [...] Затем, после окончания Ленинградского педагогического института им. Герцена в 1931 г., он получил направление в Томский Горный институт в качестве ассистента по теоретической механике (1931-1934 г.); с осени 1934 г. он аспирант Томского университета и ассистент при кафедре теоретической механики. [...]

Но... наступает – нет, еще не 1937-й, а 1936 год, когда Леонида Александровича неожиданно арестовывают. Почему?

[...] Архив Управления ФСБ по Томской области в ответ на мой запрос сообщил: «По постановлению Томского горотдела НКВД от 10 сентября 1936 г. Ященко Л.А. арестован и заключен под стражу в Новосибирскую тюрьму. Он обвиняется в том, что якобы являлся активным участником контрреволюционной троцкистко-фашистской террористической организации, действовавшей в Томском индустриальном институте и Томском Государственном университете под руководством профессора Галахова Ф.В. и Котюкова И.И., которая взаимодействовала с троцкистко-фашистской организацией, спланировавшей и осуществившей покушение на С.М. Кирова 1 декабря 1934 года. Кроме того, организация ставила своей задачей свержение существующего строя в СССР и установление фашистской диктатуры, избрав основным методом борьбы с Советской властью совершение террористических актов над руководителями ВКП(б) и советского правительства. В предъявленном обвинении Ященко Л.А. виновным себя не признал. Постановлением Особого совещания при Народном комиссаре Внутренних дел СССР от 27 августа 1937 г. Ященко Л.А. был осужден по ст.ст. 19-58-8, 58-11 УК РСФСР на 5 лет исправительно-трудовых лагерей. Срок отбывал в Севвостлагере НКВД СССР (бухта Нагаево, Магаданская область). Умер в местах лишения свободы 12 февраля 1938 г.» [...]

«Ничего у него не было в жизни хорошего, кроме любви моей матери, – пишет Александр Леонидович-младший. – За это так любила маму вся отцова родня. В серой холстинковой сумочке-мешочке из двух половин (в одной – записки еще свободного человека, в другой – заключенного), на шнурочке, чтобы удобнее было вешать на шею при частых переездах и не потерять их, хранила Вера Николаевна эти святыни, самое дорогое и главное, что осталось от любимого человека. Было их пять, писем из лагеря, написанных карандашом на клочках тетради».

Первое из них [...] из Владивостока от 26 октября 1936 года. «Бесценная, ненаглядная моя деточка! Я осужден на пять лет (без поражения в правах) и направляюсь в Сев. Восточный лагерь (Колыму) близ бухты Ногаево. Две твоих вещевых передачи и деньги получил ... бесконечно тебе

благодарен за твою самоотверженную заботу обо мне. Очень прошу тебя немедленно написать мне, что с тобою, где ты, что ты делаешь, окончила ли ты университет, как дела в Сергаче, здорова ли мамочка, что с сынком. Думаю, что в этом ты мне не откажешь ни при каких условиях. Родная моя, напиши мне, любишь ли ты меня по-прежнему, будешь ли ты меня ждать, верна ли ты мне и будешь ли верной и дальше. Я тебя ничем не связываю, родная, но если ты, моя бедная, думаешь продолжать наш совместный жизненный путь и дальше, то весь остаток моей горькой жизни я посвящу тебе, ... ибо только теперь я понял по настоящему, что такое ты, как ты для меня дорога и как я Тебя Люблю. По прибытии на место напишу еще, а пока жду, жду от тебя весточки, как луча солнца, как воздуха. За меня не волнуйся совершенно. Горячо-горячо целую и обнимаю. Твой Леня».

В течение двух лет редкие письма Леонида Александровича доходили до Сергача. Их ждали родители: сначала мать и отец, а с арестом в 1937 г. отца – только мать, Мария Николаевна.

Но однажды... Вера Александровна об этом пишет так.

«Как страдала моя мать, ожидая вестей от своего несчастного сына. Но вот, однажды утром, выйдя из спальни, она сказала семейным: «Писем от моего сына больше не ждите. Он умер». И рассказала: ночью она вдруг проснулась: как в тумане, стоял перед нею сын с искаженным от страдания лицом. Сказал только одно слово «Мамочка». И исчез».

Как за тысячи верст мать могла почувствовать это? Какое научное объяснение можно дать вдруг разорвавшейся нити между матерью и сыном в момент его смерти, перехода из жизни в небытие!? «После этого дня, – продолжает воспоминания Вера Александровна, – письма действительно не приходили, а через два месяца пришло официальное извещение о смерти заключенного Л.А. Ященко, скончавшегося от воспаления легких».

Так в 32 года оборвалась жизнь этого неординарного, разносторонне одаренного, интеллигентного [...] человека.

АРЕСТ АЛЕКСАНДРА ЯЩЕНКО

Здесь мы прервем семейную хронику Виктора Баландина и обратимся к письму Марии Александровны Ященко (26.09.2005), в котором она рассказывает о трагической судьбе своего прадеда – Александра Леонидовича-старшего (эти факты стали известны уже после публикации В. Баландина):

«Очень больно арест сына переживали Александр Леонидович и Мария Николаевна. Александр Леонидович всюду говорил, что сын не виновен. Он был арестован в ноябре 1937 года. В конце 2004 года я была в ЦАНО (Центральный архив Нижегородской области) и видела его следственное дело. [...] Итак, дело № 15331 по обвинению Ященко Александра Леонидовича. Начато 20 ноября 1937 года. Окончено 23 августа 1958 года. Доносителей не было, было два свидетеля. Я думаю, что если бы они не дали показания, то посадили бы их. Имена их я знаю, они из Сергача. Их допросили 16 и 18 ноября. Ордер на арест А.Л. за № 3963 выдан 20 ноября, арест и обыск произведены 20 или 21 ноября, 17 декабря А.Л. осужден УНКВД (тройкой) Горьковской области к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение 3 января 1938 года. Содержался в Горьковской тюрьме, расстрелян, скорее всего, у стен Бугровского кладбища, недалеко от тюрьмы. Я видела протоколы допроса Александра Леонидовича. «В предъявленном мне обвинении виновным себя полностью признаю». И на каждой странице его подпись. А в протоколе написано, что его сын арестован в городе Тифлисе, а уж он-то знал, что в Томске. Что они с ним делали? Били, мучили бессонницей, морили голодом? В основном ему вменялось в вину, что он везде говорил, что его сын арестован несправедливо. Он был осужден по ст. 58, п. 10, ч. 1.

14 июня 1956 года дело было отменено Президиумом Арзамасского областного суда. Его жена Мария Николаевна (умерла в 1942 году в Сергаче) и его внук, мой отец (умер в 2002 году в Нижнем Новгороде), не знали, как закончил жизнь Александр Леонидович.

После его ареста бумеранги еще долго летали по Сергачу, дома у него был музей и колоссальная библиотека. Книги жгли, бесценные книги, его книгами два дня топили городскую баню, а часть спалили в костре, некоторые книги спасли мальчишки, есть дома в Сергаче, где они хранятся».

И снова мы возвращаемся к семейной хронике, собранной В. Баландиным.

«По иронии судьбы, – вспоминает А.Л. Ященко-мл., – соседом деда [в Сергаче] оказался тот же «Иван Петрович», [который пытался выселить его из

имения Марусино]. Долгое время сосед обращался с дедом прямо-таки заискивающе. Но наступил 1937 г. Деда арестовали. На его арест «Иван Петрович» реагировал следующим образом: подошел к нашим дровам, недавно привезенным и еще не убранным, набрал охапку и потащил домой. Его по простоте облаяла наша собака Бишка; дорого же ей потом это обошлось. Когда, много позднее, я спросил у бабушки Марии Николаевны значение слова «мародер», бабушка сказала: «Помнишь, как «Иван Петрович» брал не принадлежавшие ему дрова? Вот он и был мародером». Когда деда арестовали, матери предоставили для жизни третью часть дома, который разделили на три квартиры».

«С музеем и библиотекой, – вспоминает дочь В.А.Никифорова, – поступили прямо зверски, как вандалы. Сначала взяли все книги, которые нужны были школе и учреждениям. А ненужными книгами топили городскую баню. А вещи музейные (кстати, окаменелости и т.д.) везде валяются: на полу, на дворе, на улице. Если бы Александр Леонидович это видел? Вот тебе и культура...».

Помнит эти дни и Александр Леонидович-младший: «При реквизиции дома погибло очень много музейных редкостей. Много книг было сожжено в котле городской бани, растащено; исчезли письма М. Горького, В.И. Ленина.

На чердаке дедовского дома находились старинные рыцарские латы, некогда принадлежащие моему отдаленному предку... В 1937 г. эти рыцарские доспехи (панцирь, головной шлем и т.д.) были выброшены работниками органов НКВД и их пособниками в тот овраг, что был возле дома, вместе с массой других вещей. Рыцарский шлем ребятишки, помнится, гоняли палкой по оврагу. Потом все это куда-то исчезло. Очень жаль, что рыцарские латы погибли: ах, как смотрелись бы они в Сергачском музее! Какой хорошей были бы они ему рекламой!..»

«Пока я живу, дедовский дом всегда будет в моей памяти, конечно, таким, каким он был при деде», пишет Александр Леонидович – мл. Вот одно из светлых воспоминаний детства.

«Однажды к нам в дом пришла какая-то гостья, которой Метта Федоровна (она была немкой и бонной в доме) и бабушка очень обрадовались. Помню, у этой дамы была какая-то легкая, очень грациозная походка. Сначала Метта Федоровна по просьбе гостьи занималась с ней немецким языком, читали вслух немецкие стихи. Потом пришел дед, который тоже очень обрадовался гостье. По его предложению все перешли в комнату, где был рояль. Дед сел к роялю, а Метта Федоровна и молодая дама пели немецкие народные песни, в частности, о русалке Лорелее. Потом Метта Федоровна села к роялю и заиграла мелодию мазурки. Дед схватил свою садовую шляпу, потом кепку и из них быстро скомбинировал некоторое подобие польской конфедератки (все это делалось весело, с доброжелательным юмором). Затем он предложил молодой даме руку, и они начали танцевать. Я первый раз видел, как дед танцует – а танцевал мой старик великолепно – чего он только не умел. Молодая женщина тоже танцевала очень хорошо, даже замечательно. Как полагается в мазурке, дед встал на одно колено и крутил даму вокруг себя. Ох, как хорошо она танцевала, с какой непередаваемой грацией! Потом дед поднялся и раскланялся с аккомпаниатором. Гостья сказала: «Какой вы молодец, Александр Леонидович! Танцуете замечательно, впору молодому!» «На том стоим», – шутливо ответил дед. Когда молодая женщина ушла, было такое впечатление, что в комнате стало тусклее».

* * *

...Это середина 1930-х годов, незадолго до ареста. В 1903 году Александр Ященко так же лихо отплясывал трепак в придорожной гостинице в Херготте, в далекой Австралии...

Размеры публикации не позволяют рассказать о судьбе его внуков и правнуков. Упомянем лишь, что Александр Леонидович-младший (1929-2002), выросший с клеймом сына и внука врага народа, стал журналистом, а затем литературоведом и писателем. Его дочь Мария Александровна Ященко в письме мне пишет: «Я собираюсь, и, даст Бог, соберусь написать книгу о Ященко, материала очень много». Пожелаем ей успешного осуществления этого замысла.■